

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 291

С.С. Аванесов, Ю.В. Хвастунова

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП И СООБЩЕСТВ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 12-06-90717 моб_ст.

Рассмотрены критерии типологизации религиозных движений с учетом современной ситуации в мире и регионе. Проанализированы различные методы и манипулятивные технологии воздействия на человека в религиозных организациях. Определены критерии и характеристики основных форм зависимости, формируемых в новых религиозных движениях на территории Российской Федерации. Систематизированы главные сферы прозелитической деятельности местных религиозных организаций в современной социокультурной среде с учётом ее модернизации.

Ключевые слова: типология религиозных движений; методы воздействия на человека; религиозный опыт; манипулятивные технологии; эмоциональный интеллект.

В контексте исследования проблем типологизации современных религиозных движений требуется иметь в виду, что крайняя эссенциализация религиозных понятий зачастую приводит к упрощению и профанации тех смыслов, которые заключены в религиозном опыте, традициях и языке. Реалии религиозного опыта чрезвычайно «подвижны» и с трудом поддаются строгой понятийной фиксации. К тому же всякая классификация основана на выборе ведущего типологического критерия, и этот выбор жестко не задан. В одной из религиозно-парадигм, например, принято рассматривать религиозные (и квазирелигиозные) традиции с точки зрения формируемых ими форм зависимости человека. Проблема изучения и прогнозирования религиозной ситуации в современных российских регионах диктует необходимость не только не обходить данную тему, но даже все более ее заострять. Поэтому вполне уместно было бы ввести критерий *зависимости* (или отсутствия той или иной зависимости) в определенной религиозной системе (общности).

Распространен научный взгляд, согласно которому сама формируемая религиозной традицией культурно-психологическая среда – это всегда своего рода «провокация», действующая только на человека с предрасположенностью к конкретной форме зависимости. Действия новых религиозных групп в этой связи можно уподобить активным поискам спроса среди потенциальных потребителей. Человек, ищущий смысла своего существования, на современном «рынке религиозных услуг» зачастую приобретает вместо искомого смысла различные его симуляции, сомнительные подделки «мистического опыта», сверхъестественных «даров» и т.п., заменяющие подлинную религиозную реальность. Разворачивается тотальная культурно-психологическая *инфляция*: «психический мир стал зависеть от вещи. Внешний объект, с которым человек обрел свою идентичность (по Юнгу), превращается или уже превратился для него в наркотик» [1. С. 305].

Формы зависимости можно определять по разным основаниям, например по видам привязанности (зависимости) к определенным способам самовыражения. Так, часть религиозных групп «религий Нового века»

концентрируется на принципе реализации потребности в удовлетворении своеобразного «мистического эгоизма», доходящего до крайней степени акцентуации («Я сам Бог, имею свойства божества»); отсюда их религиозная программа – инструкция к тому, как стать Богом или, по крайней мере, как в глазах других выглядеть Богом. Другая группа религиозных программ – это «Я без боли и проблем», т.е. учения о том, как обойти проблемы, избежать страдания, ответственности за негативные явления и процессы, снять чувство вины («психотерапевтические» культы, мистико-эзотерические сообщества). Третья группа – это «Я все знаю»; здесь акцент делается на достижении гносеологического идеала (во многих мистико-эзотерических направлениях). Четвертая группа – «Я все хочу, мне все можно, все дозволено, нет никаких ограничений» (например, часть сатанистов, New Age). Влияние «религиозного» фактора на формирование открытого внешним влияниям человека еще более усиливается, если учесть, что в важнейших факторах формирования характера все вышперечисленные тенденции под действием религии-катализатора в значительной степени усугубляются. Согласно Э. Фромму, наш характер – это совокупность экзистенциальных переживаний, а также переживаний, обусловленных культурой, и переживаний, обусловленных темпераментом, а также переживаний, обусловленных физической конституцией индивида [2. С. 445]. Здесь, как видим, очень много каналов для вмешательства и влияния.

С учетом развития глобальной информационной культуры и техногенного общества возможно выделить и такие составляющие деятельности новых религиозных образований, как интернет-пространство и дистанционные религиозные услуги: виртуальная культовая деятельность (храмы, молитвы, энергетические страницы), обучение (тренинги, сертификация, повышение квалификации), связь, организация религиозных сообществ, магазины религиозных товаров, религиозный сетевой маркетинг и т.п.

Психологическая составляющая деятельности новых религиозных организаций весьма обширна: это и тренинги личностного роста (практически все целители

и экстрасенсы называют себя психологами), и групповая терапия (которая зачастую превращается в «психологический стриптиз»), и программы обучения успешному бизнесу, и настройка на богатство и благополучие через религиозные установки. Ряд новых религиозных движений активно занимаются социальной работой: сюда входят патронаж, благотворительность, обучение мастеров, пренатальные центры, молодежные центры, женские клубы (стандартные названия: «Ты богиня», «Дочери Царя» и т.п.).

Одной из культурных ниш, успешно задействованных современными религиозными организациями, является экотуризм: паломничества, ретрит, экстрим, релаксация, экопоселения; пример такой ориентации – активная деятельность В. Новикова и «Центр Гармонии “Радуга”»: концерты бардовской песни, кедровая продукция, сказки и раскрытие экстрасенсорных способностей. В этом русле развивается и традиция «экологических» литературных комментариев, ориентирующихся на экологический мистицизм в привязке к конкретному географическому региону – Сибири, а в нашем случае – к Горному Алтаю (группа «Сфера», различные группы Агни Йоги, Д. Тэрасава и «Общины Лотосовой сутры», «анастасийцы», «Чжун Юань Цигун», Благотворительная организация Сахаджа-йога Нирмала Дхарма, кришнаиты; некоторые из них адаптируют туристическую деятельность под миссионерскую работу.

Особую культурно-психологическую нишу формирует психоделическая литература, поощряющая наркотическую практику или аналоговые практики, ориентированные на галлюциногенный эффект (Дети Бога Д. Берга, «Шамбала», сатанисты). Это очень влиятельное направление в современной религиозной культуре, апеллирующее, в частности, к некоторым художественным произведениям, в которых галлюцинаторные переживания прямо и наглядно соотносятся с легким и быстрым способом достижения «озарения». Задача здесь очевидна: размыть границу между нормой и патологией. Не случайно психоделики в основном используются из-за способности вызывать не просто эйфорию, а именно «эйкну», т.е. нечто похожее на мистическое озарение или откровение: чувства доверия, распахнутости к окружающему миру и т.п. Зависимость же от препарата формирует зависимость от того, кто его предоставляет и, следовательно, может программировать поведение «потребителя». В подобных обществах, кроме того, формируется особое отношение к безумию как свидетельству избранности харизматического лидера, его вращения в «иных» мирах (пример – религиозная организация «Шамбала» и ее лидер К. Руднев). Здесь возникает особая тема о стереотипах поведения душевнобольных и стереотипах поведения заключенных как особых образцах для подражания в молодежных или квази-религиозных субкультурах России. На позитивном полюсе отечественной культуры мы видим юродивых, аскетов и мучеников; однако внимание привлекают негативные примеры: психически больные, заключенные, асоциальные индивиды (наркоманы, алкоголики). Налицо сознательная и преднамеренная смена нравственных полюсов, причина которой должна исследоваться особо.

Все большее место в современной культуре занимают так называемые манипулятивные технологии, использующие методы, направленные на притупление рационально-критических способностей мышления. Аронсон и Пратканис выделяют принципы критического мышления и дискурса, которые в негативном мировоззрении заменяются на пропаганду и манипуляции (миссионерские «благотворительные программы», отказ от классической формы религиозной организации и деятельности, прозелитизм в виде бизнес-проектов как способов выживания или совершенства). В ряде современных религиозных движений доминируют алогичность, «образное мышление» (склонность к продуцированию фантастических картин), критика аналитического мышления [3]. Логическое рассуждение объявляется тут косным, медлительным, трусливым, профанным, обиденным. Соответственно, алогическое мышление (как в состоянии наркотического «трипа») объявляется сверхмышлением, смелым, новаторским, элитарным и мистическим, мышлением богов, мышлением игры со смертью, «виртуальным» мышлением и т.п. Деперсонализация в конечном итоге объявляется мышлением «прорыва» в иное. Стимулятором такого алогизма выступает обещание мгновенного озарения, инсайта, «кайроса» – как быстрого результата в игре (выпей стакан жидкости или проглотить таблетку, заплати, пройди краткий курс и стань обладателем уникальных знаний, тайн и т.д.).

В ряде случаев деятельность новых религиозных движений формирует склонность к суициду или, по меньшей мере, позитивное отношение к самоуничтожению человека как доказательству отсутствия у него страха перед смертью (различные разновидности «готической» культуры). Зачастую вводятся такие жесткие критерии поведения для адепта, что возникает риск не выполнить их, сорваться и совершить суицид как акт признания собственного несовершенства. Иногда суицид является конечной целью программы лидера, как в Белом братстве. Ряд ученых особо выделяют антисуицидальные внутриличностные барьеры (антисуицидальные факторы по А.Г. Амбрумовой и В.А. Тихоненко), к которым относят следующие: зрелость нравственного сознания личности с глубоким осознанием экзистенциального смысла жизни как долга, призвания, миссии человека в мире, особенно при наличии религиозного отношения к самоубийству как тяжкому греху «относительно самого себя, относительно общества, относительно Бога»; глубокая эмоциональная привязанность к близким; родительские обязанности; позитивное самоотношение, любовь в себе человеческого начала, принятие своей судьбы; зависимость от общественного мнения, забота о своем социальном престиже и престиже своих близких; высокая самооценка, включающая представления о неиспользованном внутриличностном потенциале, вера в себя, сохранение временной перспективы бытия (надежды); наличие широких интересов, творческих планов, замыслов, возможностей компенсаторной самореализации (актуализации себя) в непрофессиональных увлечениях; наличие развитых эстетических потребностей [4. С. 435]. Особое значение в этом смысле отводится семье [4. С. 438]. Разрушение семейных, родственных и дружеских связей повышает

чувство одиночества и может подтолкнуть к уходу из жизни, особенно в тех случаях, когда к этому склоняют на «религиозных» основаниях.

Следует учитывать еще и намеренную избирательность пропаганды религиозных организаций с целью вербовки последователей (люди из обеспеченных слоев общества или из сфер, близких к государственному управлению). При этом имеют место манипуляции с показателями числа последователей движения, цель которых – реклама благополучия организации или сокрытие реального количества adeptов. Ряд религиозных движений характеризуются такими чертами, как анонимность, имитация, сокрытие истинной информации или частичное утаивание информации и в итоге введение в заблуждение, обман.

В техногенном постмодернистском обществе отмечается повышенная эксплуатация эмоциональной сферы человеческого сознания. Быть эмоционально развитым не менее значимо, чем развивать интеллектуальные способности. Эмоциональная интеллигентность (EI) берет свое начало в концепции «социальной интеллигентности», которая стала разрабатываться еще с 20-х годов прошлого столетия. Первым заговорил об этом И.Л. Торндайк. Затем на Западе эмоциональную составляющую с точки зрения психологии рассмотрел доктор Р. Бар-Он, который определял данный вид познавательных способностей как совокупность некогнитивных умений, влияющих на нашу возможность успешно справляться с психологическими проблемами, с давлением на нас окружающей среды. Позже П. Салавей и Дж. Мейер ввели в научный оборот термин «эмоциональный интеллект (способности)». Имеется в виду вся гамма способностей человека, которая позволяет правильно оценивать и воспринимать эмоции, управлять ими и гармонично сочетать их с интеллектуальными способностями. Это и здравый смысл, и – в разумных пределах – чувствительность, и некоторый интуитивный потенциал – в целом все то, что помогает человеку выжить. Позже вышла книга «Эмоциональная интеллигентность» Д. Гоулмана. Он расшифровывает понятие эмоционального интеллекта, разворачивая его посредством следующих составляющих: самопознание (включающая в себя и правильную самооценку), саморегулирование (владение всей палитрой своих эмоциональных способностей), мотивация (инициативность,

активность, оптимистичность, то, что направляется волевым усилием). Следующая составляющая в схеме Д. Гоулмана – это эмпатия (понимание эмоций другого человека, его прочувствование); последний пункт – эффективные общественные отношения (умение вызвать необходимую, нужную эмоциональную реакцию у окружающих, умение работать в группе) [5]. Низкий уровень эмоциональной культуры (EQ), минимизация положительных эмоций прямым образом влияет на эффективность познавательных процессов, а также на общее физиологическое состояние организма. Многие психотерапевты и психологи согласны с мнением Холмогоровой и Гаранян о том, что «именно эмоциональная сфера, как во времена З. Фрейда сексуальная, становится наиболее патогенной зоной в современной культуре» [6. С. 61].

Многие современные религиозные организации возникают и существуют исключительно за счет влияния конкретного лидера-харизматика; он – главный автор или интерпретатор учения, текстов, норм. Часто такие лидеры самовольно наделяют себя высочайшими (или даже абсолютными) титулами и званиями. Так, Шри Матаджи Нирмала Деви имеет титул «Ее Святейшества», Григорий Грабовой называет себя «академиком», аналогично представляет себя и К. Титов, не говоря уже о многочисленных «богах» и «богинях» (дэви). Современные лидеры умело сочетают религиозные интересы с экономическими и политическими, например крупный бизнесмен Владимир Мегре или политический деятель и активист Сергей Кыныев, З. Тырысова и др. Многие современные религиозные движения в своих документах прописывают линию преемственности от какого-либо традиционного или древнего учения, реально же имеют новейшее происхождение от конкретного лица или группы активистов.

Вопрос о типологизации современных религиозных организаций и групп и о ее критериях является актуальным и сложным, требующим комплексного исследовательского подхода с опорой на междисциплинарность, критического взгляда на современную ситуацию в религиозной сфере России, принятия во внимание процессов как регионального, так и мирового масштаба с учетом общих глобализационных тенденций и усиления влияния техногенного фактора в культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилин А.Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости М. : Центрполиграф, 2001. 521 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск : Попурри, 2000. 672 с.
3. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб. : ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
4. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М. : Изд-во МГУ, 1999. 497 с.
5. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М. : АСТ ; Владимир : ВКТ, 2009. 487 с.
6. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61–74.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 сентября 2012 г.